

Essay Reviews

Литературоведческая славистика и новые методологические импульсы для славянской поэтики

ИВО ПОСПИШИЛ

(Брно)

1. Внешняя обстановка

Современный этап так называемой глобализации изменяет не только структуру науки, но и академического, университетского обучения. Университеты все чаще становятся сервисными организациями, замкнутыми финансовыми единицами, зависящими больше от частных источников, чем от государственного бюджета: конкуренция частных вузов принуждает традиционные университеты к новой деятельности, связанной с приобретением новых финансовых средств; возникают новые связи с государственными институтами, министерствами и т. д. Кажется, что в этом отношении современная Европа пойдет по пути американских университетов. Необходимо, однако, не упускать из виду определенное равновесие между традицией, традиционными средствами методологии и новыми, более радикальными подходами. С этой точки зрения славистика в общем и литературоведческая славистика в особенности как традиционные дисциплины находятся в опасности. Как почти все в этом "новом конце столетия" – включая и славистику – находится на перекрестке – методологическом, тематическом и экзистенциальном. Все чувствуют, что под давлением быстрых технологических изменений и нового образа жизни традиционные филологические дисциплины будут изменяться – напрасно спрашивать да или нет, но только как и когда. Современные гуманитарные науки в общем и филология в особенности вынуждены преодолевать неожиданные препятствия, связанные с обществом

информации. Первая проблема состоит в поисках новой методологии, которая иногда связана с давлением социальных наук и с новыми, более агрессивными методологическими сдвигами, которые более непосредственно отражают экономическую и финансовую обстановку, в которой общество очутилось и живет. Все эти процессы находятся в тесной связи с концом холодной войны и железного занавеса, которые изменили и изменяют принципы ареала и дают традиционной филологии больше пространства для нового развития. Филология зачастую выполняла роль сервиса социальных наук, связанных непосредственным образом с политическими элитами. Это было видно и на 12 Международном конгрессе славистов в Кракове (1998), где некоторые слависты заговорили о неизбежном конце традиционных концепций славистики. Хотя большинство участников критиковало или игнорировало эти голоса, давление социальных наук демонстрировалось, например, в формировании новой дисциплины, так называемой эмигрантологии, так как эмиграция является типичным славянским и в общем средне- и восточноевропейским феноменом 20 века. Хотя эмигрантология была принята большинством участников конгресса со скепсисом, нельзя не учитывать деятельность Международного совета по изучению Средней и Восточной Европы (ICCEES - International Council for Central and East European Studies), который является влиятельным институтом. Его последний конгресс в 2000 году в Тампере (Финляндия) открыл новые возможности сотрудничества разных наук, главным образом социальных и филологических. Можно напомнить о том, что первый конгресс ICCEES после падения железного занавеса состоялся в Великобритании (Harrogate, 1990) и следующий в Варшаве (1995). Следует отметить, что с 60-х годов, когда эта организация возникла на Западе в качестве конкурента Международного комитета славистов (тогда еще под названием International Council for Soviet and East European Studies), стало ясным, что она будет ориентироваться на широкую сферу исследований, включая не только филологию, но, главным образом, социологию, экономику, политологию, историю, этнологию и другие гуманитарные дисциплины, преимущественно социальные науки. Программа каждого конгресса традиционно распределена в панели (panels), в которых выступают председательствующий (chair), панелисты и участники дискуссии (panelists and discussants). Кроме экономики, политики, проблематики национальных меньшинств, прав человека и статистики, наиболее интересными были панели, изучающие постмодернизм и новые веяния в литературах Средней и Восточной Европы. В конгрессе в Тампере принимало участие свыше 1800 участников, причем только из России приехало свыше 500 человек (там кроме того присутствовали делегаты из других стран бывшего СССР, даже из Узбекистана); большое количество русских участвовало как представители других стран (Великобритании, США, Австралии, и т. п.); можно предположить, что всего присутствовало около 800 русских. Вообще все было сосредоточено на России, вк-

лючая и доклады политических лиц Финляндии. Можно было бы спорить со многими положениями, но это скорее дело политиков, самих россиян и представителей России, чья политика там нередко обсуждалась критически, даже, кажется, агрессивно. В конгрессе, в частности, приняли участие и писатель и председатель Российского Пен-клуба Андрей Битов (автор этой статьи опубликовал интервью с Битовым в литературном приложении чешской газеты «Право» - «Салон») и белорусский оппозиционный деятель, писатель Василь Быков, живущий сейчас в Мюнхене. Следующий конгресс в 2005 г. состоится в Германии.

Дискуссии, связанные с кризисом университетов и гуманитарных наук в США в 1996-1997 гг., отразились, в частности, на страницах журналов *Daedalus* (журнал Американской Академии Искусств и Наук) и *Profession* (журнал *Modern Language Association*), а также в словацком международном сборнике *Tracing Literary Postmodernism* (ред. Тибор Жилка, Нитра 1998). Так, статья одного из соавторов М. Холквиста (*Michel Holquist – Profession*) выражает тенденции, стремящиеся возобновить единство компаративистики и филологии ареала. Автор констатирует распад традиционной филологии и социальных наук как последствие холодной войны. В упомянутом сборнике из Нитры профессор англистики и юридических наук Дональд Кэри Фримен (*Donald Cary Freeman*) показывает необходимость возобновления “новой филологии” на новых основах: оказывается, что резко снизился уровень филологической подготовки и политические науки зачастую строятся на нулевых знаниях диахронного понимания языка, литературы и культуры в целом: речь идет об угрозе депрофессионализации филологии. Другая опасность, однако, связана с механическим соединением разных научных дисциплин. В этом отношении брненская группа исследователей из области филологии (славистики) и социальных наук образовала Кабинет интегрированной жанровой типологии при Институте славистики в брненском университете, стремясь найти возможности переплетения обеих областей науки. Первым результатом их сотрудничества были тексты *Интегрированная жанровая типология* (1999), вторым проект *Теория ареала - филология*. В основном две ориентации филологии в общем и славистики в особенности, т. е. чисто филологическая, традиционная и политико-социальная, отражаются и в структуре международных организаций - кроме упомянутого ICSEES существует более традиционный, скорее филологический *Международный Комитет Славистов* и его секции, что-то в роде славистического МАПРЯЛА.

Кроме новых общественных условий и внутреннего раздвоения есть еще одно препятствие развития славистики в современном мире, а именно проблема

исследовательских поколений, необходимость генерационного сдвига, что связано как с внешним (прежде всего финансовым) так и с внутренним (методологическим и структуральным) кризисом славистики в целом и литературоведческой славистики в особенности. Это препятствие преодолевают сейчас как университеты, так и институты отдельных национальных академий наук.

2. Внутреннее строение

Если посмотреть, например, на структуру чешской и словацкой славистики, то можно сразу же заметить, что в сфере литературоведения обнаруживается ориентация на компаративистику, жанровые и морфологические подходы именно в области русистики. После публикаций до известной поры запрещенных изданий, главным образом связанных с восточнославянской эмиграцией, сейчас появляются работы, содержащие и новые методологические подходы.

Как и все гуманитарные науки, литературоведение очутилось на перекрестке. Можно сомневаться в правильности самого понятия и понимания "литературоведения", которое попало в славянские языки из немецкой науки (*Literaturwissenschaft*), но до сих пор не всеобще принято (в англосаксонском мире *literary science* встречается лишь в американской сфере, и то только в виде исключения, до сих пор, как правило, преобладает *literary criticism* или более старомодное понятие *literary scholarship*). Идиллическая картина прогрессивно развивающейся литературоведческой методологии, которая унаследована нами из французского классицизма, философии Гегеля, Маркса и из эволюционизма Дарвина не подтверждается развитием науки в 20 и в начале 21 веков. Хотя внешне кажется, что биографические, психологические, социологические, психоаналитические методы сменились имманентными, например, формализмом и структурализмом или позже герменевтикой и деконструктивизмом, на самом деле это далеко не так: разные течения, веяния и тенденции переплетаются и в творчестве одного автора, происходят странные регрессы, возвращения; герменевтика, например, восходит к античному миру или, скорее, к более древним этапам истории, о которых нам почти ничего неизвестно, деконструкция зачастую является возвращением к старым подходам и приемам.

Кажется, что самыми плодотворными областями литературоведения в общем и славистического литературоведения в особенности являются жанрология (генология, теория и история литературных видов, жанров) и

выше упомянутая компаративистика (сравнительное литературоведение), о чем свидетельствует число современных изданий и исследовательских центров в Средней Европе. На территории бывшей Чехословакии это пражско-брненская школа литературной компаративистики, исходящая скорее из традиционного морфологического подхода, пражский Центр компаративистики, методология которого основана на герменевтическом и культурологическом подходах, и международный исследовательский коллектив Д. Дюришина в Словакии, сосредоточивающий свое внимание на международных связях скорее внелитературного порядка, приводящих к обобщениям в рамках понятий "особые межлитературные общности", "межлитературный центрзм" и в концепции всемирной литературы.

Тем не менее, потеря общественного авторитета науки в общем и гуманитарных наук в особенности, обнаруживается и здесь не только в форме генерационного кризиса, но и в смысле методологической дисперсии, распада литературоведческой, славистической общности на несколько групп с определенным дискурсом: дисперсия, распад, изоляции и некоммуникативность, методологический эгоизм и эгоцентризм вредят науке и позиции литературоведения в целом.

Следовательно необходимо признать, что всякие декларации о ненормативности и неавторитетности литературоведения не соответствуют реальности. Основной задачей литературоведения и в эпоху постмодернизма остается нормообразование и функция опосредствующего звена между автором и читателем, а также моделирование литературной, культурной атмосферы и художественного вкуса. Зачастую кажется, что современное литературоведение не излагает и не интерпретирует артефакт и его смысл, так как по известному деконструктивистскому тезису смысл артефакта конвенционален, артефакт никакого смысла на самом деле не имеет. Изложение смысла артефакта, следовательно, сейчас не требуется, переплетение эссеистической литературной критики и академической науки повлекло за собой ослабление коммуникативного движения литературоведения как такового. В то время как раньше роль закономерностей и эволюции литературы преувеличивалась, сейчас, напротив, отрицаются поиски закономерностей исследуемого предмета.

Однако ищутся и новые пути, наблюдается возвращение к более прочной системе ценностей, обращение к когда-то бытовавшим в науке, позже исчезнувшим, но сейчас опять возобновляющимся методам.

3. Поиски „нового порядка”

Недавно (1998) была издана книга прешовского русиста **Андрея Антоняка** *Sociokulturna interpretacia romanov M. Solochova (Tichy Don, Rozorana celina)* Социокультурная интерпретация романов М. Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина»). Автор в этом издании, которое стало впоследствии его докторской работой, продемонстрировал, как можно рассматривать два романа М. Шолохова с совершенно иной точки зрения и, одновременно, показал противоречия в самом тексте обоих произведений так, что у читателя могла произойти своего рода реабилитация автора. В последнее время в мире ведутся споры о новом использовании социологических и политологических методов в процессе исследования литературы: это огромная и трудоемкая задача, так как такого рода применения встречаются с препятствиями, которые известны и по опыту прошлого. Речь идет, прежде всего, о механичности и о “служебности” литературы в их понимании, которая слишком часто была материалом идеологических или политических и идеологических тезисов (частично см., например, советскую социологическую школу 20-х годов 20 века). Автор, однако, рассматривает эту проблематику с более широкой перспективы и в более современной форме. Свой подход он называет социокультурным, и, следует отметить, достаточно точно: его подход связывает воедино социологическую и культурную точки зрения и затрагивает при этом национальную психологию. Кажется, что нам придется вновь возвратиться к структурам, которые формировали духовный климат литературы и допустить, что столь критикуемая структуралистами теория И. Тэна не являлась методологическим тупиком. Антоняк это наглядно демонстрирует в разделах, относящихся к природным условиям, которые до определенной степени предопределяли жизнь восточных славян (роковая связь земельных и климатических условий). Очевидно, что указанному автору удалось избежать вульгаризации, столь характерной для некоторых социологических школ 19 и 20 веков: он акцентирует социокультурный базис поэтического мира романов Шолохова. Исследование Антоняка, сосредоточивающееся на социокультурной сфере, открывается, таким образом, новому спектру проблем, каковыми являются, например, русская культура и политическая власть и, прежде всего, эволюционная парадигма русской литературы 20 века. Из этой парадигмы не исключается ни одно течение, ни одно веяние.

В последнее время в современном чешском литературоведении обнаруживаются попытки заново сформулировать задачи социологического

метода, в частности, в статье Алеша Гамана, который продолжает идеи Яна Мукаржовского о переходных или же транзитивных зонах между эстетической нормой и внеэстетическими нормами, демонстрируя, таким образом, что современное коммуникативное понимание литературы может представлять собой путь в духе старой социологии литературы, но, одновременно, образующий своего рода мост, способный преодолеть сегодняшнюю атомизацию и субъективизацию.

Стремление к «новому порядку» следует после хаотичности и амбивалентности постмодернизма. Иначе говоря: методологическая дисперсия, разбросанность, которые когда-то стали только орудием внедрения «нового порядка», сегодня уже бесполезны, даже неудобны. Кажется, что новое тяготение к социологии литературы характерно для каждой стадии укрепляющегося нового общественного порядка более авторитетного типа (см. отрицающий русский формализм и утверждающая советская социологическая школа), что само по себе свидетельствует о полезности социологических подходов.

Другой прешовский русист **В. Купко** исходит из русской альтернативной литературы андерграунда в смысле отказа от публичной презентации, обычной в пору Е. Евтушенко и А. Вознесенского. Свое изложение он начинает у так называемой Карты поэзии, результата работы Лаборатории социокультурной динамики (1991): здесь исторически показывается иерархическая структура русской параллельной культуры, разноаспектные отношения между отдельными писателями и их произведениями. Карта, которую Купко перепечатал в своем издании, свидетельствует о состоянии 1990 года, когда начали массово издаваться сборники и книги Д. Пригова, Г. Айги, Виктора Ерофеева и др. Обнаруживаем здесь и группу концептуалистов (Айзенберг, Пригов, Кибиров, Сорокин), метаметафористов (Кедров, Парщиков), известную лязоновскую школу (напр., Холин, Вс. Некрасов), клуб Поэзия (Шатуновский) и др. Своего рода вершиной является группа экспериментаторов, в частности, О. Дарк, В. Сорокин, В. Нарбикова, Е. Попов, Ю. Мамлеев, Е. Харитонов и др. Для параллельной культуры в целом характерно недоверие к возможностям литературы, как их понимала русская литературная традиция и классика: литература имеет смысл лишь сама по себе и сама в себе, она не способна выполнять другие задачи (т. е. общественные, политические, нравственные, философские и др.), ее смысл заключается в вечном движении, беспокойстве, неуверенности, в вечном экспериментировании, в чем, разумеется, восходит больше к Гоголю, чем ко Льву Толстому. Красота не спасет мир, литературе придется избавиться от гуманизма 19 века, предметом

литературы является поэзия хаоса, беспорядка, продолжающая соответствующие эстетические или скорее антиэстетические тенденции начала 20 века. Новая альтернативная литература возникает как отрицание идеалистического гуманизма русской классики и его вариантов 20 века, которые привели к человеческим трагедиям. В этом литература чувствует свою вину, как и некоторые философы начала 21 века, стремящиеся скорее к интимным кругам, к приватной философии (философия ежедневности), или как сторонники микроистории или метаистории. Это признак уничтожающей самокритики: предметом литературы парадоксально становится ее унижение и уничтожение, что связано с устранением всяческой иерархизации и порядка.

Современная стадия развития литературы в России не представляет собой новое явление: социология литературы помогает понять, что она возникает при подобных общественных условиях, как адекватные течения и веяния, скажем, в конце 19 и в начале 20 веков. Традиция в русском постмодернизме очень сильна и не только в смысле иронизации или пародии, металитературы. Новая литература демонстрирует свое отрицание прошлого, но сама продолжает поэтологическую традицию предромантических структур, в особенности сентиментализма, в общем технологизма 18 века (к нему, однако, возвращались и Лев Толстой и модернисты). Именно социокультурный подход сможет показать, откуда вырастает эта новая литература, чем она социологически питается.

4. Средняя Европа

Литературоведы сейчас больше не образуют единое спорящее целое, а представляют изолированные группы разных дискурсов - в мире всяческих союзов и интеграций происходит абсурдная изоляция и образование замкнутых коммуникативных общностей. Это расхождение, дисперсия, рассеивание, разложение, распад являются существенным признаком современного литературоведения и, кажется, не только его. Образующиеся группы, в том числе восточноевропейская, южноевропейская, западноевропейская, скандинавская и т. д., подчеркивают мозаику дезинтеграции. В этом смысле свою интегрирующую роль вновь имеет известное понятие "Mitteleuropa", Средняя (Центральная) Европа. Это понятие важно не только для политологии, экономических наук, но и для культурологии, лингвистики и литературоведения. Именно из таких предпосылок исходит проект Брно - Вена, над которым сейчас работает группа исследователей с точки зрения филологических наук, хотя стало

очевидным, что с тематикой Средней Европы связана огромная работа и исследовательские усилия ряда научных центров в Австрии, Польше, Чешской и Словацкой Республиках и т. д. (см. исследуемую литературу). Специфика региона исходит из существования Австро-Венгерской монархии, но территорией этого государства пространство Средней Европы не исчерпывается. Известно, что к нему традиционно относятся не только Бавария, Саксония, но и северная Италия: принадлежность к Средней Европе ощущается и в Румынии, Украине и Беларуси. Можно, следовательно, прийти к выводу, что феномен Средней Европы выступает скорее как какое-то духовное качество, чем конкретно-политическое пространство. В межвоенный период, т. е. в 20-30-е годы, частью Средней Европы стала и многочисленная восточнославянская эмиграция – научная, писательская и, в целом, интеллектуальная, которая сильно повлияла на характер научной жизни в этом пространстве. Можно лишь напомнить о Романе Якобсоне, Николае Трубецком, Николае Дурново, Сергии Вилинском, Евгении Ляцком и других. Кроме того, именно в эту пору Средняя Европа стала пространством новых веяний, движений, идей и людей: в межвоенной Чехословакии жили известные словенцы (филолог Матия Мурко, архитектор Плечник), русские, украинцы, белорусы, поляки. Это была совершенно новая обстановка как для развития литературоведения в целом, так и славистического в частности.

Предпосылкой для поисков нового литературоведения является существование плоскости, которая, с одной стороны, давала бы достаток креативных импульсов и, с другой, была прочно связана с традицией. Именно славистика, точнее филологическая славистика, могла бы стать динамическим целым, связывающим воедино весь лингвистический и литературоведческий дискурсы: достаточно хотя бы напомнить, сколько импульсов общего характера предоставила славистика в межвоенный период лингвистике и литературоведению в целом: многие нашумевшие тогда теории исходили из славянского материала (Ф. Воллман, Р. Якобсон, Р. Уэллек). Ведь известно, что именно материал оказывает существенное влияние на теории и концепции, которые из него исходят, что они взаимно связаны, образуя неразрывное единство. В настоящее время, когда преувеличивается роль германистики, англистики, американистики и романистики, следует об этих фактах говорить как можно чаще и громче: ведь среди славянского материала именно русский был несомненно доминантным. Именно мультикультурная Средняя Европа, соединяющая славянский, германский, угрофинский, частично романский ареал с фоном в тюркской области, обращенная на юг в средиземноморскую сферу, на

западе к Германии и Франции, на востоке посредством восточных славян к Азии, является выгодной коммуникативной плоскостью, которая может оживить филологическую тематику и методологию и наметить новые пути развития научных дисциплин, которые сейчас, кажется, очутились в тупике.

5. Компаративистика и славистика

Несмотря на то, что компаративистика и славистика представляют собой две самостоятельные сферы научной деятельности, их развитие было - именно на территории Средней Европы - неразрывным. Хотя развитие компаративистики нельзя связывать только со славистикой, неоспоримым является тот факт, что именно со славистикой связано развитие ее методологии. Давление социальных наук, о котором говорилось в начале, обнаруживается здесь в форме транзитивной, т. е. переходной зоны взаимно переплетающихся социальных наук и филологии. Они нужны друг другу, так как нельзя представить себе, что, например, политология, анализирующая конкретный геополитический ареал, могла бы обойтись без знания языка, литературы и культуры в их синхронном и диахронном срезе. С другой стороны, трудно вообразить нулевые геополитические знания филолога, не говоря о том, что история и политика являются своего рода литературой, передающей определенный сюжет. Об этом хорошо знали в древности и сейчас этот подход возобновляется в концепциях метаистории, микроистории и языкового анализа философского и историографического дискурсов. Необходимость нового построения теории ареала как интегрированного пространства, связывающего воедино филологию и социальные науки, стала сейчас очевидной. Эту теорию ареала следует понимать как процессуальный и процессуально формирующийся, мультидименсиональный поиск, как мультидисциплинарный, интердисциплинарный и трансдисциплинарный феномен.

С одной стороны, славистика в Средней Европе связана с внешними силами, с другой, она связана с внутренними сдвигами. Все это зависит не только от методологий, но и от политического развития региона и его институций. Ключевым является отношение славистики, русистики и отечественных филологий. В этом до сих пор в посткоммунистических странах огромные расхождения и неясности. Кажется, будто бы это три независимые дисциплины, хотя очевидно, что они образуют одно целое; долгое время они выступали слишком изолировано, не пользуясь в достаточной мере общими местами и общим фоном, на котором лучше видны и яркие отличия. В этом отношении

следует упомянуть концепцию славистики, как она образовалась в Чехословацкой Республике на модели Славянского института в Праге и его связями со Школой славистики (School of Slavonic Studies) Лондонского университета: по этой модели формировалась славистика в Германии, служащая сейчас моделью возобновления концепции славистики в Средней Европе. Все, однако, зависит от местных условий, традиций и связано с прошлым развитием, а также с внутренней обстановкой университетов и других исследовательских центров.

б. Выводы

А) Современная славистика не стоит в центре внимания гуманитарных наук, ее политическое и общественное значение утратилось в связи с существенными изменениями на политической карте мира. Следовательно, очень важно, как будут развиваться славянские страны и какую роль они будут играть в современной интегрирующейся Европе. Слабость их экономики, политики и морали, слабость нации и языка повлечет за собой и новое ослабление славистических дисциплин, хотя не сразу очевидное.

Б) Необходимостью станет оживление славистики, опирающееся на ее традиции, прежде всего межвоенного периода 20-30-х годов, но, одновременно, изменение ее структуры и внешних связей и укрепление отношений с социальными науками, причем, однако, нельзя утрачивать ее методологическую автономность.

В) Следует заняться новыми темами, связать деятельность славистов больше с государственными, общественными органами, отвечать на вопросы, которые ставит общество, уделять больше внимания социальному спросу, финансово обеспечить славистические публикации, сборники, журналы и регулярные издания.

Г) Именно в Средней Европе можно продолжить традиции и специфику региона, который по своему характеру предвосхитил веяния века, в том числе мультикультурализм. Смешанный характер региона с доминирующим славянским элементом и славистикой может в этом сыграть решающую роль.

Д) Кроме актуальных задач, обусловленных сдвигами лексики, новой литературой и культурой, необходимо заняться методологией и терминологией. Именно последняя долгие годы находится в стороне от магистральных путей развития лингвистики и литературоведения, хотя очевидно ее коренное значение. С этой задачей связана и лексикографическая работа (В Чешской

Республике и Словакии сейчас готовятся к печати два словаря писателей - в ЧР - Словарь русских, украинских и белорусских писателей, в Словакии - Словарь русских писателей); разработан проект литературоведческой терминологии на сравнительной европейской основе, но это только скромное начало.

Необходимо, следовательно, связать воедино традиции славистики, ее новые темы с интеграцией новых методологий, с внутренней динамикой или же перестройкой ее составных частей, с ее новой ориентацией и с новыми ценностями. Без этого нельзя выйти из современного положения на перекрестке.

Используемая литература

- A Social and Economic History of Central European Jewry*, eds. by Yehuda Don and Victor Karady, Transaction Publishers, New Brunswick - London 1990.
- Antoňák A., *Sociokultúrna interpretácia románov M. Šolochova (Tichý Don, Rozoraná celina)*, MANOCON, Prešov 1998.
- Balík S., Holzer J. (ed.), Kubová O., Machovcová E., Pospíšil I., Rakouský A., *Komunistické strany v postsovětských stranicko-politických soustavách*, Mezinárodní politologický ústav Masarykovy univerzity, Brno 2000.
- Bartsch S., *Minderheitenschutz in der internationalen Politik*, Opladen 1995.
- Bátányi G., *Britain and Central Europe 1918-1933*, Oxford 1999.
- Béhar P., *Zentraleuropa im Brennpunkt*, Graz 1994.
- Beseda s Julijej Kristevoj. Dialog. Karnaval. Chronotop, Vitebsk* 1995, 1, s. 5-6.
- Bilance a výhledy středu Evropy na prahu 21. Století*, Konvoj, Brno 2000.
- Blumenwitz D. (Hrsg.), *Aktuelle rechtliche und praktische Fragen der Volksgruppen und Minderheitenschutzrechtes*, Köln 1994.
- Blumenwitz D. (Hrsg.), *Volksgruppen und Minderheiten: politische Vertretung und Kulturautonomie*, Berlin 1995.
- Blumenwitz D., *Internationale Schutzmechanismen zu Durchsetzung von Minderheiten und Volksgruppenrechten*, Köln 1997.
- Boden M., *Nationalitäten, Minderheiten und ethnische Konflikte in Europa*, München 1995.
- Burmeister H.-P., Boldt F., Mészáros G., (Hrsg.), *Mitteleuropa: Traum oder Trauma?* Bremen 1988.
- Busek E., Bix E., *Projekt Mitteleuropa*, Wien 1986.
- Busek E., - Wilflinger: *Aufbruch nach Mitteleuropa: Rekonstruktion eines versunkenen Kontinents*, Wien 1986.
- Central Europe. Core or Periphery?* Copenhagen Business School Press, Křbenhavn 2000.
- Coudenhove-Kalergi R. N., *Krise der Weltanschauung*, Wien 1923.

- Coudenhove-Kalergi R. N., *Weltmacht Europa*, Stuttgart 1971.
- Coudenhove-Kalergi R. N., *Kommen die Vereinigten Staaten von Europa?*, Glarus 1938.
- Coudenhove-Kalergi R. N., *Pan-Europa*, Wien 1923.
- Coudenhove-Kalergi R. N., *Totaler Staat - totaler Mensch*, Wien 1937.
- Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*, Fall 1997.
- Dančák B., Fiala P. (eds), *Národnostní politika v postkomunistických zemích. Mezinárodní politologický ústav Masarykovy univerzity*, Brno 2000.
- Dančák B. (ed.), Pospíšil I., Rakovský A., *Pobaltí v transformaci. Politický vývoj Estonska, Litvy a Lotyšska*. Mezinárodní politologický ústav Masarykovy univerzity, Brno 1999.
- Dialog o Slovanech, slavistice, Balkánu a o lecčems jiném* (Ivo Pospíšil - Ivan Dorovský). Brno, Univerzitní noviny 1998, č. 3, s. 16-18.
- Doležel L., *Pražská škola a poststrukturalismus*, Česká literatura 1995, s. 5.
- Dor M., *Mitteleuropa: Mythos oder Wirklichkeit? Aus der Suche nach der grösseren Heimat*, Salzburg-Wien 1996.
- Dorovský I., *Balkán a Mediterán. Literárně historické a teoretické studie*, Brno 1997.
- Dorovský I., *Balkánské meziliterární společenství*, Brno 1993.
- Žurišin D. a kolektiv, *Osobitné meziliterárne spoločenstvá I-VI*, Bratislava 1987-1993.
- Žurišin D., *Čo je svetová literatúra?*, Bratislava 1993.
- Frommelt R., *Paneuropa oder Mitteleuropa. Einigungsbestrebungen im Kalkul deutscher Wirtschaft und Politik 1925-1933*, Stuttgart 1977.
- Gillespie D., *The Twentieth-Century Russian Novel. An Introduction*. Oxford - Washington D. C. 1996 (см. рецензию I. Pospíšil: The Twentieth-Century Russian Novel: the Problem of Change and Interpretation. *Germanoslavica* 1996, 1, s. 161-164).
- Gürge W., *Paneuropa und Mitteleuropa*, Berlin 1929.
- Haman A., *Historie literatury a sociologie*, Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity, V 2, 2000.
- Hantos E., *Das Donauproblem*, Wien 1928.
- Hantos E., *Das Geldproblem in Mitteleuropa*, Jena 1925.
- Hantos E., *Das mitteleuropäische Agrarproblem und seine Lösung*, Berlin 1931.
- Hantos E., *Die Handelspolitik in Mitteleuropa*, Jena 1925.
- Hantos E., *Die Kulturpolitik in Mitteleuropa*, Stuttgart 1926.
- Hantos E., *L'Europe centrale. Une nouvelle organisation économique*, Pars 1932.
- Hantos E., *Mitteleuropäische Eisenbahnpolitik. Zusammenschluß der Eisenbahnsysteme von Deutschland, Österreich, Ungarn, Tschechoslowakei, Polen, Rumänien und Jugoslawien*, Wien 1929.
- Hantos E., *Mitteleuropäische Kartelle im Dienste des industriellen Zusammenschlusses*, Berlin 1931.
- Hantos E., *Mitteleuropäische Wasserstraßenpolitik*, Berlin 1932.

- Hernadi P., *Beyond Genre. New Directions in Literary Classification*, Ithaca – London 1972.
- Hodrová D., *Román ve 20. století - jeho teorie a praxe*, Česká literatura 1994, 3, s. 227-254.
- Hodža M., *Federácia v strednej Európe a iné štúdie*, Bratislava 1997.
- Hösch E., Seewann G. (Hrsg.), *Aspekte ethnischer Identität: Ergebnisse des Forschungsprojekts Deutsche und Magyaren als Nationale Minderheiten im Donauraum*, München 1991.
- Hubík S., *K postmodernismu obratem k jazyku*, Boskovice 1994.
- Humanistyka przelomu wieków*, red. J. Kozielski, Warszawa 1999.
- Hvišč J., *Problémy literárnej genológie*, Bratislava 1979.
- Ingarden R., *Umělecké dílo literární*, Praha 1989.
- Integrovaná žánrová typologie (Komparativní genologie). Projekt - metodologie - terminologie - struktura oboru - studie*. Hlavní autoři: Ivo Pospíšil - Jiří Gazda - Jan Holzer. Editor: Ivo Pospíšil. Masarykova univerzita, Brno 1999.
- Jahn E., *Bibliographie zur Mitteleuropa Diskussion. Beilage. Zeitschrift für Politik und Kultur im Mittel- und Osteuropa*, Nr. 21, November 1988.
- Jihoslovenské literatury v českém prostředí*, Ed.: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka, Brno 1999.
- Klimowicz T., *Obywatele Arkadii. Losy pisarzy rosyjskich po roku 1917*, Wrocław 1994.
- Kolokvium u příležitosti 150. výročí Slovanského sjezdu v Praze*. Vydala Česká koordináční rada Společnosti přátel národů východu, Praha 1998, s. 18-20.
- Komparatistika a genológia*, Bratislava 1973.
- Kontext - překlad - hranice. Studie z komparatistiky*, Praha 1996.
- Kozielski J., *Transgresja i kultura*, Warszawa 1997.
- Krebs H., *PanEuropa oder Mitteleuropa*, Münschen 1931.
- Kühl J., *Federationsphäre im Donauraum und in Ostmitteleuropa*, München 1958.
- Kurko V., *Новая проза как социокультурный феномен. Filozofická fakulta Prešovskej univerzity*, Prešov 2000.
- Kvapil M., *Bohemo-Serbica, Bohemo-Croatica*, Praha 1996.
- Kvapil M., *Serbica. Litterarum memoria*, Praha 1998.
- Literatura a heterogeničnosť kultury. Poetyka i obraz świata*, Warszawa 1996.
- Litteraria Humanitas IV - Roman Jakobson*, Brno 1996.
- Litteraria Humanitas IX. Cesta k duši díla: Miroslav Mikulášek*. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, Brno 2001, vědecký redaktor: Ivo Pospíšil, výkonný redaktor: Ludvík Štěpán.
- Litteraria Humanitas V - Západ a Východ II. Tradice a současnost (Literární směry a žánry ve slovanských a západních literaturách jako reflexe stavu světa)*. Red. Miroslav Mikulášek, spoluredaktoři: Jaroslav Fryčer, Ivo Pospíšil. Masarykova univerzita, Brno 1998.
- Litteraria Humanitas VI. Alexandr Veselovskij a dnešek*, Brno 1998.

- Litteraria Humanitas VIII - Komparatistika - Genologie - Translatologie*. Krystyna Kardyni-Pelikánová. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, Brno 2000, vědecký redaktor: Ivo Pospíšil, výkonný redaktor: Ludvík Štěpán.
- Лотман Ю., *Структура художественного текста*, Москва 1970.
- Lyotard J. F., *O postmodernismu*, Praha 1993.
- Margolin U., *On Three Types of Deductive Models in Genre Theory* „Zagadnienia rodzajów literackich” 1974, z. 1, s. 5-19.
- Mathauser Z., *Estetické alternativy. Jazyk vědy a jazyk poezie*, Praha 1994.
- Mathauser Z., *Literatúra a anticipácia*, Bratislava 1982.
- Mathauser Z., *Metodologické meditace aneb Tajemství symbolu*, Brno 1988.
- Mathauser Z., *Mezi filosofií a poezií*, Praha 1995.
- Mathauser Z., *Slovanství jako přesah. – K úloze Slovanů v historii a současnosti. Kolokvium u příležitosti 150. výročí Slovanského sjezdu v Praze*. Vydala Česká koordináční rada Společnosti přátel národů východu, Praha 1998, s. 18-20.
- Mathauser Z., *Triáda uměleckých druhů. – Litteraria Humanitas I. Genologické studie*, Brno 1990, s. 10-18.
- Mathauserová S., *Cestami staletí. Systémové vztahy v dějinách ruské literatury*, Praha 1986.
- Meyer H.C., *Drang nach Osten. Fortunes of a Slogan-Concept in German-Slavic Relations, 1849-1990*, Frankfurt am Main - New York - Paris - Wien 1996.
- Meyer H.C., *Mitteleuropa in German Thought and Action 1815-1945*, The Hague 1955.
- Naumann F., *Mitteleuropa*, Berlin 1915.
- Porter R., *Russia's Alternative Prose*, Berg, Oxford/Providence 1994.
- Pospíšil I., *Genologie a proměny literatury*, Brno 1998.
- Pospíšil I., *Il centrismo interletterario mediterraneo e la letteratura russa*. In: *Il Mediterraneo. Una rete interletteraria. La Méditerranée. Un réseau interlittéraire*. Stredomorie medziliterárna sieť. A cura di Dionýz Ďurišin e Armando Gnisci. Università degli studi di Roma “La Sapienza”, Studi (e testi) italiani. Collana del Dipartimento di italianistica e spettacolo, Bulzoni Editore, Roma 2000, 101-109; французская версия: *Centrisme interlittéraire méditerranéen et littérature russe*, 305-313; чешская версия: *Meziliterární mediteránní centrismus a ruská literatura*, 509-516.
- Pospíšil I., *Krize univerzit a literární vědy na sklonku tisíciletí a slavistika. – Slavica Pragensia ad tempora nostra*. Konference ke 150. výročí založení stolice slovanské filologie na Karlově univerzitě. Univerzita Karlova, Euroslavica, Praha 1998, s. 267-271.
- Pospíšil I., *Literární dílo jako reflexe meziliterárnosti (Anatolij Kim - Jurij Rytjev - Čingiz Ajtmatov)*. – *Litteraria Humanitas VI. Alexandr Veselovskij a dnešek*, Brno 1998, s. 48-59.
- Pospíšil I., *Literární věda na rozcestí. Hrst poznámek k minulosti, přítomnosti a budoucnosti*. HOST 1998/2, s. 79-83.

- Pospíšil I., Na záver. K otázke slovanskej a európskej sebareflexie (spoluautor Jozef Hvišč). Slovensko-české vzťahy a súvislosti, zborník referátov a koreferátov z medzinárodnej vedeckej konferencie Slovensko-české vzťahy a súvislosti, ktorá sa ukutočnila 26.-27. októbra 2000 v Bratislave. Organizátor konferencie: Katedra slovanských filológií FiFUK v Bratislave v spolupráci s Ústavom slavistiky FFMU v Brne, Slovenská rada Združenia slovanskej vzájomnosti v spolupráci s Českou koordináčnou radou Spoločnosti priateľov s národnými východu, Bratislava 2000, 241-248.
- Pospíšil I., *Paradoxes of Genre Evolution: the 19th-Century Russian Novel*, „Zagadnienia rodzajów literackich” 1999, tom XLII, zeszyt 1-2 (83-84), 25-47.
- Pospíšil I., *Paradoxy ruské románové tradice*, „Alternativa Nova” 1997, č. 7, březen, 350-355.
- Pospíšil I., Razance a citlivosť: K fenoménu Strednej Evropy v meziválečnom období (tri vybraná vota separata k brněnské habilitaci Romana Jakobsona). Slovensko-české vzťahy a súvislosti, zborník referátov a koreferátov z medzinárodnej vedeckej konferencie Slovensko-české vzťahy a súvislosti, ktorá sa ukutočnila 26.-27. októbra 2000 v Bratislave. Organizátor konferencie: Katedra slovanských filológií FiFUK v Bratislave v spolupráci s Ústavom slavistiky FFMU v Brne, Slovenská rada Združenia slovanskej vzájomnosti v spolupráci s Českou koordináčnou radou Spoločnosti priateľov s národnými východu, Bratislava 2000, 49-60.
- Pospíšil I., *Rozpětí žánru*, Brno 1993.
- Pospíšil I., *Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století*, Brno 1998.
- Pospíšil I., *Sedmero úskalí a inspirací*, „Slovenská literatúra” 1993, 4, 292-295.
- Pospíšil I., *Slovenské literatury na počátku nového věku. – K úloze Slovanů v historii a současnosti*, Kolokvium u příležitosti 150. výročí Slovanského sjezdu v Praze. Vydala Česká koordináční rada Společnosti přátel národů východu, Praha 1998, s. 34-37.
- Pospíšil I., *Slovenský literárnívidný trojúhelník: komparatistika - genologie - translatoologie. – Brněnská slovákistika a česko-slovenské vztahy*. Editor: Ivo Pospíšil. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Brno 1998, 45-58.
- Pospíšil I., *Средняя Европа как перекресток литературоведческой методологии. In: Взаимодесйтвия литературы в мировом литературном процессе (Проблемы теоретической и исторической поэтики). Материалы междураодной научной конференции. Ч 1, Гродно 1997, 3-10.*
- Pospíšil I., „Stará” a „nová” komparatistika: pragmatismus a ruský maximalismus u Karla Čapka, „Opera Slavica” 1993, 1, 16-24.
- Pospíšil I., *The Crisis of Tradition in Russian Literature and the Postmodernist Atmosphere. – Postmodernism in Literature and Culture of Central and Eastern Europe*, Katowice 1996, 123-130.

- Pospíšil I., *The Danger of Loneliness: the New Splendid Isolation*. – Reinhard Ibler (Hrsg.): *Von der sozialistischen zu einer marktorientierten Kultur?*, Würzburg 2000, 83-96.
- Pospíšil I., *The Hidden Kernel of Paradox: the Chronicles of Anthony Trollope and Nikolai Leskov*. *Germanoslavica*, „Zeitschrift für germano-slawische Studien“ VII, 2000, Nr. 1, s. 35-40.
- Pospíšil I., *Utopičnost a hlubinnost literární vedy (Meditace in margine projektu Dionýze Ľuríšina)*, „Opera Slavica“ 1993, 1, 44-47.
- Pospíšil I., Významy a smysl (literárnivídné) slavistiky (Příspěvek do diskuse), „Slavica Litteraria“ X 4, 2001, 87-94.
- Pospíšil I., Zelenka M., *Pojem a koncepce světové literatury*, SPFFBU, roč. 1995, D 42, řada literárnivídná, Brno 1996, 103-112.
- Pospíšil I., Zelenka M., *Problémy literární vedy na XII. mezinárodním kongresu slavistů (spoluautor Miloš Zelenka)*, „Slavia“ 1999, č. 1, 68, 184-188.
- Pospíšil I., Zelenka M., *René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky*, Brno 1996.
- Profession. The Modern Language Association of America* 1996.
- Román a “genius loci”. Regionalismus jako pojetí světa v evropské a americké literatuře*, red. Anna Housková a Zdeněk Hrbata, Praha, sine.
- Rosenberg H., *Grosse Depression und Bismarckzeit. Wirtschaftsablauf, Gesellschaft und Politik in Mitteleuropa*, Berlin 1967.
- Rumpler H., *Eine Chance für Mitteleuropa*, Wien 1997.
- Sötér I., *The Dilemma of Literary Science*, Budapest 1973.
- Svatoň V., *Epické zdroje románu. Z teorie a typologie ruské prózy*, Praha 1993.
- Svatoň V., *Epické zdroje románu. Z teorie a typologie ruské prózy*, Praha 1993.
- Svatoň V., *Epické zdroje románu. Z teorie a typologie ruské prózy*, Praha 1993.
- Svatoň V., Hodrová, D., *Literatura a problém tvůrčího subjektu*. – M. Bachtin, *Román jako dialog*, Praha 1980.
- Světové literatury 20. století v kostce*. Pod vedením Iva Pospíšila zpracovali Simoneta Dembická, Jaroslav Kovář, Karolina Křížová, Petr Kyloušek a Irena Příbylová, Praha 1999.
- Theories of Literary Genres*, University Park and London 1978.
- Tieghem, P. van, *La Question des genres littéraires*. *Helicon*, tome 1, fasc. 1-3, 99-105.
- Tracing Literary Postmodernism*. University of Constantine the Philosopher, Faculty of Humanities, Institute of Literary Communication, editor: Tibor Žilka, Nitra 1998.
- Východoslovanské literatury v českém prostředí do vzniku ČSR*. Ed.: Danuše Kšicová, Brno 1997.
- Wellek R., Warren A., *Teorie literatury*, Olomouc 1996.
- Wellek R., *A History of Modern Criticism 1750-1950*, I-VIII, New Haven and London 1955-1992.

- Wellek R., *Concepts of Criticism*, New Haven and London 1963.
- Wellek R., *The Crisis of Comparative Literature*, in: *Proceedings of the Second International Congress of Comparative Literature*, ed. W. P. Friedrich, Chapel Hill 1959, 149-159.
- Wellek R., *The Literary Theory and Aesthetics of the Prague School*, Ann Arbor 1969.
- Wellek R., *The Theory of Literary History. Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, Praha 1936.
- Welsch W., *Naše postmoderní moderna*, Praha 1993.
- Wollman F., *Duch a celistvost slovanské slovesnosti*, Praha 1948.
- Wollman S., *Česká škola literární komparistiky*, Praha 1989.
- Wollman S., *Porovnávací metoda v literární vědě*, Bratislava 1988.
- Zelenka M., *Na okraj neoidealismu v českém literárním myšlení: René Wellek a Friedrich Nietzsche*. – Pospíšil I., Zelenka M.: René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Masarykova univerzita, Brno 1996, 53-64.